

**СМЫСЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ ОБРАЗА МИРА
КАК ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ САМОРАЗРУШАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ¹**

Интенсивные социально-экономические трансформации, происходящие в современном мире, оказывают существенное влияние на характер развития личности. Современная социокультурная среда с размытыми ценностными ориентирами, эластичными границами нормативности и плюрализмом допустимых форм поведения определяет принципиально новые условия социализации, формирования ценностно-смысловых оснований образа мира и идентичности в подростковом возрасте. По сути, в настоящее время изменения ценностных ориентиров в субъективной реальности каждого конкретного человека, продиктованные качественно иными смыслами, транслируемыми современным обществом, приводят к системным сдвигам по всему спектру личностно-смысловых систем, от ситуативных динамичных смыслов до высших экзистенциальных уровней отношения к феноменам жизни и смерти. Философы и социологи прямо говорят о том, что мы являемся свидетелями появления «другого человека», иначе чувствующего, думающего, действующего: «...Человек тронулся — и с ним сдвинулись, поехали все уровни, этажи и крыши...» [1], «антропологический сдвиг» [2] захватывает все — и соматическую и психическую сферу.

Общественно-политические, экономические, культуральные процессы постиндустриальной эпохи неизбежно модулируют динамику и качественное своеобразие психического развития. Мультимедийная среда формирования психики, новые формы игры и коммуникации, завершившаяся сексуальная революция и разрушение традиционных дискурсивных практик — реалии современного мира. Безусловно, Россия не уникальна в этом отношении. Просто в России данные процессы разворачиваются настолько стремительно, что наука зачастую не успевает улавливать нарождающиеся феномены «нового человека». За последние два десятилетия в нашей стране произошли эпохальные сдвиги социокультурной ситуации, психологические аспекты которых специалистами практически не анализируются и не формулируются, хотя и являются актуальными темами философских, социологических, культуральных изысканий.

Уже есть свидетельства о глубинных трансформациях онтогенеза, в частности, показано принципиальное отличие психической организации современных российских подростков от их сверстников середины прошлого столетия. В работах Д. И. Фельдштейна раскрыты базовые изменения психической реальности в данной возрастной группе. Это, в первую очередь, неравномерность интеллектуального развития, структурные изменения процессов внимания и памяти; возрастание эмоционального дискомфорта, переживание отчуждения и одиночества, неуверенности в себе и собственном будущем; повышение критичности по отношению к взрослым наряду с усилением процессов индивидуализации, напряженностью поисков смысла собственной жизни; изменения ценностных приоритетов; нарастающий дефицит общения со сверстниками; замедленное развитие коммуникативной и социальной компетентностей, самостоятельности в принятии решений [3].

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13-06-00270.

Обобщая результаты сравнительного исследования, ведущие специалисты в области возрастной психологии А. М. Прихожан и Н. Н. Толстых пишут: «Подводя итоги исследования и сравнивая его результаты с полученными ранее, отметим тенденцию последовательного снижения рефлексивности (эмоциональной отзывчивости) у российских подростков. Если школьники конца 50-х обладают достаточно высоким уровнем рефлексии, то у подростков 80-х она оказывается слабо выраженной, а у современных подростков практически не выявляется» [4].

В ряде работ отмечены отчетливые сдвиги в ценностных ориентациях современных подростков по сравнению с их сверстниками 1970–1990-х гг. Российские подростки семидесятых годов развивались в условиях единых стандартов социализации, нормативной системы заданных обществом ценностных векторов. Интенсивное идеологическое воздействие государства приводило к тому, что подростки, по сути, выступали пассивными объектами воспитания, их ценностные ориентиры копировали, воспроизводили общественные цели и идеалы советской эпохи. Для них характерна высокая удовлетворенность жизнью, социальный оптимизм. В то же время социальное положение советских подростков отличалось двойственностью. С одной стороны, они должны были подражать старшему поколению, декларировавшему, а зачастую и реализовавшему активную позицию, устремленному в будущее, направленному на достижения и рекорды, на кардинальные преобразования социокультурной и природной среды во имя «построения коммунизма». С другой стороны — оказывались в роли пассивных объектов воспитания и исполнителей «воли старших» без возможности проявления свободы самовыражения, построения своей индивидуальности в иных ценностных системах. Противоречие между необходимостью быть пассивным и активным одновременно приводило к тому, что основным способом социального поведения подростков выступал конформизм, который давал возможность «быть как все», не выделяться из массы «советских людей». Это зачастую приводило к расщеплению ценностной системы на декларируемые, общепринятые, и личные ценности, которые могли не соответствовать или даже противоречить социальным нормативам. На уровне декларируемых ценностей сознание подростков было единообразным. Они принимали цели и смыслы советского общества, такие как патриотизм, коллективизм, значимость труда и образования, уважение к старшим, смысл жизни как служение обществу, приоритет социальных ценностей над личными, вера в прогресс и будущее и т. п. Глубинный, личный слой ценностей, как правило, не соответствовал или даже противоречил идеалам общества, представлял собой выражение альтернативных ценностей молодого поколения. Он мог либо скрываться за конформным поведением и проявляться лишь в некоторых неформальных группах, либо открыто демонстрироваться и становиться основой протестного поведения подростков. Соответственно, базовыми размерностями ценностно-смысловых ориентаций подростков 70-х выступали «соответствие — несоответствие нормативным идеалам» и «активность — пассивность реализации ценностей», существовал конфликт между «декретальными» (контролируемыми государством) и неформальными, или протестными ценностями. В соответствии с этим дифференцировались типы подростков по ведущим ценностям: «активные карьеристы», «конформные», «стиляги», «диссиденты».

Подростки периода «перестройки» (80–90-е гг.), личность которых формировалась в период социально-экономического и идеологического кризиса, при значительном снижении влияния традиционных институтов социализации, характеризуются резкой сменой ценностно-смысловых установок, целей, смысложизненных ориентаций,

усиливающимся ценностным разрывом поколений. Смысловые конструкции «родителей» перестали быть актуальными, стали фактически бесполезными в адаптации к новым условиям жизни. Основными трансляторами ценностных систем становятся локальные неформальные группы, среда сверстников, а также массовая культура и СМИ. В формирующейся ценностной иерархии подростков утрачивают ведущие позиции коллективизм и патриотизм, на первом плане оказываются личные ценности, которые носят прагматический характер. Снижается значимость нравственных ценностей, получения образования, социально полезной трудовой деятельности, возрастает значимость индивидуализма, ценностей потребления, ориентации на быстрое получение материальных благ. В социальном поведении нарастает пассивность и агрессия, получают широкое распространение подростковые субкультуры, часто транслирующие девиантные образцы поведения и асоциальные ценности. В то же время социально-политические преобразования приводят к возрастанию значимости свободы, демократии, плюрализма; утрата социальной защищенности порождает обращение к ценностям частной жизни. В целом ценностно-смысловые ориентиры подростков периода «перестройки» представлены такими формами, как «материальные блага и престиж»; «свобода и власть», «частная жизнь и личный успех», «асоциальные ценности».

Поколение подростков «постперестроечного» периода, конца девяностых — начала двухтысячных, или «поколение нулевых», периода относительной стабилизации нового российского общества, отличается преимущественной ориентацией на личные ценности, такие как достижения и успех, материальное благополучие, семья, общение и гармоничные межличностные отношения [5, 6]. Возрастает значимость ценности самореализации личности, получения образования, достойной работы. В то же время социальные ценности не являются важными для большинства подростков и молодежи. Снижается значимость здорового образа жизни. Ведущим ценностным конфликтом оказывается противоречие между стремлением к самореализации и духовному развитию, часто носящим декларативный характер, и прагматизмом, который реализуется в социальном поведении. Более резко проявляются региональные различия ценностно-смысловых ориентаций. В мегаполисах наиболее значимыми оказываются ценности социального благополучия, успеха, получения образования, предпринимательства; в отдаленных от центра регионах, малых городах первые места занимают ценности гедонизма, материального благополучия, потребления, общения, семейной жизни, либо асоциальные ценности. При этом возрастает разнообразие типов ценностных систем, формирующихся у подростков и молодежи. Это семейные ценности, ценности карьеры, гедонистические, ценности власти и социального признания, традиционные религиозные ценности, «максималистские» — стремление к успеху во всех сферах жизни, отказ от ценностных приоритетов [7].

Формирование ценностных и смысложизненных ориентаций современных подростков происходит в условиях перехода к постиндустриальному, информационному обществу. Возрастает влияние медийной культуры, интернет-сообществ, информационной среды в целом на процессы социализации в подростковом возрасте. Такие черты современного социума, как взаимопроникновение культур, сосуществование множества идеологических систем, разнородность и интенсивность информационно-коммуникативных потоков, виртуализация социума и сознания человека, приводят к особому феномену формирования ценностно-смысловой сферы личности — ценностной «мозаичности» и «пластичности» подростков. Ценности не организуются в иерар-

хическую систему, не определяются как «значимые» или «незначимые». Размываются представления о нравственности, о смысле жизни. Одинаковую ценность для личности подростка могут принимать принципиально различные цели, стремления, ориентиры и идеалы, что не воспринимается как внутренний конфликт. Различные ценности реализуются для ситуативного разрешения тех или иных жизненных задач, размытые и нечеткие ориентиры, по всей видимости, выступают особым способом адаптации к внутренне противоречивой, нестабильной и неопределенной, быстро меняющейся социальной среде.

Обобщение результатов социологических исследований дает возможность охарактеризовать основные тенденции трансформаций ценностно-смысловых ориентаций подростков в различные периоды новейшей истории российского общества. Это переход от четко организованной иерархизированной системы через ценностный кризис к пластичной, децентрированной, гибко изменяющейся «сети» ценностей и смыслов; снижение значимости социальных и размытость понимания духовно-нравственных ценностей при возрастании индивидуализма, приоритета ценностей частной жизни и потребления; трансформация конфликта между декретальными и неформальными ценностями в ценностный плюрализм и нерелексируемость ценностных противоречий.

Человек как целостность постоянно пребывает в непрерывном взаимодействии с действительностью и изменяет собственные представления о себе и мире в соответствии с изменениями среды [8]. Подростковый возраст является критическим этапом формирования личности — наряду с расширением репертуара социальных ролей, осваиваемых в этом возрасте и вместе с ним организм подростка подвергается мощным воздействиям происходящих биологических трансформаций. Современный подросток вынужден постоянно осуществлять «работу на приспособление» к меняющимся ситуациям «взрослого» мира, к новым социальным ролям и позициям, и это происходит на фоне интенсивных физиологических изменений, сопровождающихся трансформацией образа себя [9]. Все вместе это следует рассматривать в качестве системной перестройки целостного поведения, которое неминуемо сопровождается переживанием стресса и эмоционального напряжения. Психическая адаптация к динамичным условиям внутренней и внешней среды представляет собой сложный процесс, об эффективности которого можно судить лишь по самочувствию подростка, а, на уровне психологического анализа, его отношениям к себе, к событиям, к другим людям.

При этом во многих случаях подросток оказывается лишенным помощи и поддержки взрослых в совладании с трудными жизненными ситуациями. Негативным фактором формирования личности подростков выступает возрастающий в настоящее время дефицит воздействия различных институтов социализации — семьи, образовательно-воспитательных учреждений и т. п., что создает риск присвоения подростками неадекватных моделей поведения, в том числе транслируемых рекламой и СМИ. Это, по сути, приводит к расстройствам адаптации и проявлениям различных форм саморазрушающего поведения, таких как суициды, химические и информационные зависимости, алкоголизация и т. п. [10, 11, 12].

Факторы и предпосылки различных форм отклоняющегося поведения у подростков становятся предметом междисциплинарных исследований психологов, врачей, социологов, юристов. В то же время методологические основы психологического исследования, сформулированные в принципиально иных социокультурных условиях,

оказываются несостоятельными при анализе поведенческих девиаций, нарушений адаптации и личностного развития подростков в современном обществе.

Под термином «девиантное поведение» традиционно понимается несоответствие действий и поступков человека сложившимся в обществе нормам и ценностям, нарушения общепринятых социальных отношений [13, 14, 15]. Этот термин используется и сейчас, хотя вводился он в совершенно ином социальном контексте, и со времени его формулирования в социокультурных условиях формирования личности произошли существенные и необратимые трансформации. Основываясь на методологии культурно-исторической психологии Л. С. Выготского¹, мы вынуждены признать его несостоятельность и фактическую утрату им научного статуса.

Неизбежным следствием глобализации мирового пространства является процесс социальной и культурной диффузии, «иммунизации» общества к проявлениям отклонений от традиционных норм поведения. В современных обществах все меньше становится общепринятых норм и правил. Социализация подростка начала XXI столетия отличается качественно, — в связи с этим концептуальные решения в исследованиях прошлых лет оказываются не адекватными для анализа актуальных феноменов личности и поведения подростков. Россия в этом отношении представляет собой идеальную модель для изучения социализации ребенка в перманентно меняющихся условиях социального.

Принимая это, с методологических оснований культурно-исторической психологии следует рассматривать все разнообразие поведения современных подростков в качестве способов адаптации формирующейся личности в условиях мультикультурализма, идеологической неопределенности, сосуществования множества принципиально различных ценностно-смысловых организованностей, возрастания роли мультимедийной среды и электронных СМИ в деятельности и коммуникациях.

В современной философии и психологии показано, что «значимый другой» является важнейшим обстоятельством, направляющим развитие и социализацию личности. С одной стороны, он определяет векторы поведения формирующейся личности, он же является транслятором принятых в социуме правил и норм, если сам является носителем их. Стремительно происходящие в России изменения норм и ценностей, социальных представлений, целей и задач образования и воспитания привели к разрывам межпоколенческой преемственности, — в рамках одного и того же исторического этапа одновременно сосуществуют и вступают в сложное, часто конфликтное взаимодействие ценностные системы уже нескольких поколений. Образ жизни старшего поколения зачастую представляется подросткам не приемлемым в современных социальных практиках. Подросток сталкивается с необходимостью самостоятельного выбора стратегий решения проблем жизни. Ситуация размытости и поливариативности социальных норм, при отсутствии образа значимого Другого, обуславливает полевое поведение подростков, подталкивает к своеобразному социальному экспериментированию. Свидетельством этому становятся многочисленные молодежные субкультуры, сменяющие друг друга и сосуществующие в современной социальной среде.

Следует согласиться с тем, что все разнообразие поведения современных подростков можно рассматривать в качестве своеобразных способов адаптации формирующейся личности к интенсивно меняющимся социокультурным условиям. В таком ас-

¹ *Выготский Л. С.* История развития высших психических функций // Собрание сочинений. Т. 3. — М.: Педагогика, 1983. — 368 с.

пекте саморазрушающее поведение — это попытка ситуативного совладания подростка со стрессом в условиях отсутствия конструктивных способов преодоления жизненных трудностей. Вместе с тем временно достигаемая посредством девиантных поведенческих актов внутренняя адаптация может приобретать устойчивый характер. В свою очередь, фиксация неадекватных копинг-стратегий, связанных с поведением, наносящим ущерб организму и личности, ведет к нарушению формирования личности и усугубляет социально-психологическую дезадаптацию, а в крайних случаях создает угрозу существованию. Саморазрушающее поведение при всем разнообразии форм (пьянство, злоупотребление психоактивными веществами, суицид) является способом прерывания взаимодействия человека со средой жизнедеятельности. Такое поведение может восприниматься подростком как возможность проявления своей уникальности, утверждения собственного Я в кризисном мире, способ ухода от внутреннего конфликта или травмирующей ситуации, но в перспективе приводит к деформации сформированных в онтогенезе психических образований или — в пределе — уходу из жизни.

Отсутствие определенных ценностных ориентиров, формирование неконструктивных смысловых систем приводит к нарушениям идентичности и эмоционально-когнитивным искажениям в восприятии себя, других людей, социокультурной действительности. Подростки зачастую испытывают трудности в понимании сложного многополярного и внутренне противоречивого мира и своих социальных ролей, не находят возможности для удовлетворения потребностей, реализации мотивов, раскрытия собственных личностных ресурсов. Мир нередко воспринимается как неопределенный и непредсказуемый, что блокирует их способность к прогнозированию, планированию жизненных перспектив.

Важнейшим фактором аномального, дезадаптивного формирования поведения при этом становится отсутствие необходимого опыта совладания с типовыми психотравмирующими ситуациями, или, другими словами, несформированность механизмов саморегуляции, что, собственно, является сущностной характеристикой подросткового возраста. Для означения этого аспекта привлекаются различные психологические концепты. Так, А. А. Налчаджян [16] определяет в качестве ведущих психологических факторов, оказывающих влияние на адаптированность личности, «Я-концепцию» и ее подструктуры, в том числе ситуативные «Я-образы», которые являются комплексными мотивами и регуляторами поведения. Интегрированная и устойчивая «Я-концепция» является условием толерантности к фрустрации и свидетельствует о хорошей социальной адаптированности личности, вне зависимости от того, какое социальное положение она занимает в данный момент [17]. Однако, вряд ли правомерно говорить об устойчивой «Я-концепции» в подростковом возрасте, которая еще только должна сформироваться в процессе формирования, поскольку сформированная ранее, она неизбежно трансформируется под действием социальных и биологических изменений условий жизнедеятельности.

В данный возрастной период складываются ценностно-смысловые основания образа мира — целостной многоуровневой системы представлений о предметной и социальной реальности и себе самом, существующих в сознании как единство чувственной ткани, значений и личностных смыслов. Образ мира как процесс и результат деятельности личности интегрирует субъективный и социокультурный опыт, постоянно изменяясь в процессе жизни, складывается в процессе взаимодействия человека с миром и, в то же время, служит для активного построения поведения и деятельности, интерпре-

тации и прогнозирования событий. Смысловая структура образа мира и образа Я подростков также находится в стадии формирования, обладает пластичностью, неустойчивостью, что составляет ресурс ее развития. В то же время складывающиеся системы смыслов и ценностей, подверженные резким изменениям под влиянием ситуативных факторов, обладают достаточно слабым потенциалом регуляции поведения и деятельности. Мозаичность, внутренняя противоречивость, неопределенность, низкий уровень рефлексии формирующихся смысловых составляющих собственного образа мира и «Я-концепции» нередко приводит к последующим нарушениям в становлении личностной идентичности, к размыванию или утрате жизненных перспектив, что, в свою очередь, выступает фактором дезадаптации.

Отношения личности выступают одной из ключевых смысловых составляющих субъективного образа мира. Отношение как смысловая категория отражает субъективно-ценностную взаимосвязь человека и мира, организуя в единое целое субъективную реальность личности. Базисные смысловые отношения к себе, к миру и к другим людям могут иметь позитивный, негативный или конфликтный характер. Основные смысловые размерности отношений (доверие, оптимизм, либо недоверие, пессимизм по отношению к миру, естественность, открытость — подозрительность, настороженность по отношению к людям, противоречивость — гармоничность в отношении к себе) [18] могут выступать в качестве внутренних ресурсов либо барьеров социальной адаптации.

С позиций теории психологических отношений личности В. Н. Мясищева, физиологическими и психологическими источниками предболезненного состояния являются трудности или нарушения во взаимоотношениях человека с людьми, социальной действительностью и задачами, стоящими перед ним [19]. В соответствии с этим, важной задачей становится выявление базовых отношений личности в структуре образа мира и себя, обуславливающих расстройства поведения в подростковом возрасте.

Смысловые структуры образа мира выступают внутренними регуляторами социального поведения, опосредуют выбор стратегий поведения в различных жизненных ситуациях, и, в то же время, изменяются под влиянием вновь поступающей информации от окружения.

Образ мира личности есть сложная, многоуровневая субъективная модель жизненной среды, включающая в себя совокупность значимых объектов и явлений; базисными образующими образа мира личности являются инвариантные смысловые образования — устойчивые системы личностных смыслов, содержательные модификации которых опосредованы особенностями социокультурного и индивидуального опыта, смысловыми структурами самосознания («Я-реальности») личности. Смысловые образования в структуре образа мира выполняют репрезентативную (представление жизненного мира субъекту), интерпретативную (структурирование, интерпретация жизненных явлений и событий), регулятивную (регуляция поведения в жизненных ситуациях) и интегративную (обеспечение целостности мировосприятия) функции. Система смысловых образований определяет особенности интерпретации прошлого и актуального опыта, построение жизненных перспектив, стратегии поведения, и в итоге, определяет пути и способы адаптации/дезадаптации личности. Неадекватные жизненной среде трансформации смысловых составляющих образа мира либо их ригидное сохранение без учета происходящих изменений во внешнем и внутреннем планах может выступать предпосылками дезадаптации и одной из ее крайних форм — саморазрушающего поведения [20, 21]. Риск закрепления дезадаптивных копинг-стратегий как следствия затруднений в интерпретации собственного Я и окружающей действительности

сти возрастает в подростковом возрасте, поскольку смысловая структура образа мира в этот период находится в стадии формирования, обладает пластичностью, неустойчивостью, что составляет ресурс ее развития, но в то же время определяет недостаточный потенциал регуляции поведения и деятельности, резкие изменения складывающейся системы личностных смыслов под влиянием ситуативных факторов. Множественность смысловых контекстов и разнородных информационно-коммуникативных полей, в которых оказывается современный подросток, приводит к нарушениям в становлении личностной идентичности, к формированию противоречивого образа мира, к размыванию или утрате жизненных перспектив, что, в свою очередь, выступает фактором интроспсихической дезадаптации.

В проводимых нами эмпирических исследованиях подростков с различными формами саморазрушающего поведения для выявления смысловых структур образа мира использовался комплекс проективных методик, модифицированных для современной подростковой среды (авторские варианты ТАТ, методики «Незаконченные предложения»), а также качественный анализ данных Патохарактерологического диагностического опросника (ПДО) А. Е. Личко. В результате было установлено, что образ мира современных подростков носит «калейдоскопический» характер, содержит в себе множество разнородных, зачастую противоречащих друг другу норм, правил, поведенческих и коммуникативных паттернов. В этой связи усложняется и затрудняется становление социальной и личностной идентичности, интериоризация социокультурных кодов поведения, выработка собственных стратегий и форм взаимодействия со значимыми другими и обществом в целом.

Качественный анализ выборов, предложенных в Патохарактерологическом диагностическом опроснике вариантов ответов — наборов фраз, характеризующих 25 тем — сфер отношений личности, значимых для подростков (самочувствие, настроение, отношение к окружающим, к незнакомым людям, к одиночеству, новому и. т. п.), позволил определить изменения в системе отношений, ценностных предпочтениях и базовых смысловых установках подростков разных поколений, рожденных с интервалом в 10 лет (1990–1991 и 2000–2001 гг. рождения), обуславливающих риски формирования и закрепления дезадаптивного, саморазрушающего поведения.

Сравнение частотных распределений выборов ответов показало, что в целом современные подростки характеризуются более пессимистической установкой, менее позитивным отношением к различным сферам жизни по сравнению с подростками 1990–1991 гг. рождения. Оптимизм-пессимизм как смысловая установка проявляется, прежде всего, в характеристиках доминирующего эмоционального состояния. Десять лет назад респонденты значимо чаще выбирали утверждения «Я всегда чувствую себя бодрым и полным сил», «Как правило, настроение у меня очень хорошее»; в то время как современные подростки в основном характеризовали себя через утверждение «У меня случаются приступы плохого самочувствия с раздражительностью и чувством тоски»; «Мое настроение легко меняется от незначительных причин», «Часто мне не хочется просыпаться». Очевидно, в связи с этим возрастает значимость мечтаний, фантазий, как способа «ухода от жизненных проблем» — современные подростки чаще выбирали утверждение «Перед тем, как уснуть, я люблю помечтать».

В сфере межличностных отношений и ценностей общения прослеживаются противоположные тенденции: возрастает значимость коллективизма, принятия группой, и в то же время, увеличивается настороженность, недоверие к людям в целом, противоречивость отношения к родителям и старшему поколению (увеличение у современных

подростков частоты положительных выборов высказываний «Для меня важен не один друг, а дружный хороший коллектив»; «Я отношусь настороженно к незнакомым людям и невольно опасаясь зла»; «Я считаю, что родителей надо уважать, даже если хранишь в сердце против них обиды»).

Изменения ценностно-смысловых ориентаций подростков в современный период прослеживаются и в области отношения к собственному будущему. Так, для подростков, рожденных в начале 90-х гг., тема будущего не является значимой, при этом отношение к будущему описывается как противоречивое: наиболее часто выбирается утверждение «Мое отношение к будущему часто и быстро меняется: то строю радужные планы, то будущее кажется мне мрачным». Подростки 2000–2001 гг. рождения считают будущее одной из самых значимых тем, придают ему позитивный смысл: наиболее «популярными» утверждениями в этой теме стали «Я уверен, что в будущем докажу всем свою правоту», «Я стараюсь жить так, чтобы будущее было хорошим».

За исследуемый десятилетний период произошло сужение значимости различных сфер жизни подростков. Из 25 тем, представленных в методике, у современных подростков значимыми оказались лишь темы «отношение к родителям», «отношение к друзьям», «аппетит и отношение к еде». Остальные темы современные подростки оставили без внимания. По всей видимости, это показывает приоритетную значимость для них стремления к удовлетворению потребности во внимании и общении с близкими — взрослыми и сверстниками.

Неопределенность смысловых установок и вышеописанная нами ценностная пластичность, характерная для современных подростков, проявляется также в амбивалентной оценке тем, связанных с правовыми и этическими ценностями, образом жизни, межличностной коммуникацией. Респонденты 2000–2001-х гг. рождения чаще делали как положительные, так и отрицательные выборы высказываний по таким темам, как: «отношение к будущему», «отношение к критике и возражениям», «отношение к опеке и наставлениям», «сексуальные проблемы», «отношение к алкогольным напиткам», «отношение к правилам и законам», «отношение к окружающим», «отношение к незнакомым людям».

Это подтверждают и результаты применения разработанного нами подросткового варианта ТАТ. На данном материале выявлено, что подросток часто не предусматривает поведение другого персонажа, не может описать его чувства, реакции. Идентификация носит случайный, ситуативный характер: наблюдается отождествление себя с персонажем противоположного пола, с предметом и т. п. Рассказы подростков отличаются от протоколов старших испытуемых фрагментарностью, отсутствием целостности, политематичностью, выраженной аффективной негативной окрашенностью. В описаниях преобладают такие темы, как агрессия, тревога, напряжение, конфликтность в отношениях, неопределенность будущего. Результаты автоматизированного контент-анализа вербальных протоколов ТАТ, выполненного с помощью экспертной психолингвистической системы ВААЛ, показали, что в рассказах-описаниях картин у подростков с саморазрушающим поведением преобладает негативная эмоциональная окраска, депрессивность. Данные подростки характеризуются выраженной личностной пассивностью и низким уровнем напряженности потребностей, за исключением физиологических; враждебностью по отношению к окружающему миру. Структура ведущих мотивов противоречива: в ней в равной степени выражены стремление к успеху и страх неудачи, страх власти, надежда на поддержку и боязнь отвержения. Отношение к значимым объектам амбивалентно, одновременно проявляется как стремление к реализации своих

целей, так и их отвержение, переживание препятствий, барьеров на пути к достижениям. Смысловые структуры мировосприятия отличаются неопределенностью, дисгармоничностью — подросткам свойственно описывать мир через отрицание и преуменьшение значимости событий, альтернативы; часто встречаются информационные искажения. Деятельностное отношение к миру проявляется слабо — в описании деятельности преобладают операции обработки и манипуляции с предметами, фактически отсутствует описание движений и действий, за исключением движения по направлению «вниз», что, скорее всего, отражает общую подавленность, депрессивный фон настроения. Ценностные установки отражают стремление добиться желаемого без учета социальных и нравственных норм — высокой значимостью для подростков с отклоняющимся поведением обладают ум и ценности познания в сочетании с практичностью и безнравственностью.

Таким образом, результаты проведенного нами теоретико-эмпирического исследования позволили определить базовые направления изменений ценностно-смысловых ориентаций подростков в условиях социально-экономических трансформаций: возрастание пессимизма; противоречивость и неопределенность личностных смыслов; стремление к групповому общению при негативном или внутренне конфликтном отношении к значимым другим; уход в мечты и перенос значимых смыслов в возможное будущее; амбивалентность и размытость понимания этических, правовых, социальных ценностей; сужение значимых областей жизни и целей.

Выявленные особенности смысловой организации образа мира подростков выступают своеобразным способом психической адаптации к изменяющимся социальным условиям. Гибкость и изменчивость ведущих смыслов, отсутствие жесткого понимания этических и социальных нормативов, плюрализм и «снятие» ценностных конфликтов позволяет им достаточно быстро приспосабливаться к многомерной, часто непредсказуемой, динамичной, информационно перенасыщенной социокультурной реальности. В то же время сложности в оценке ценностных приоритетов, субъективная равнозначность принципиально различных целей и стремлений, амбивалентность в понимании моральных норм приводят к увеличению эмоционального дискомфорта, возрастанию негативного отношения к другим людям, к трудностям в планировании жизненных перспектив, компенсации неудовлетворенности настоящим посредством фантазирования, построения нереалистичного образа будущего. Это, в свою очередь, создает предпосылки социально-психологической дезадаптации подростков, приводит к формированию и закреплению различных форм саморазрушающего поведения. Личностными предпосылками социальной дезадаптации и отклонений в поведении современных подростков выступают ценностно-смысловые деформации, которые проявляются в пассивности и бездеятельности на фоне негативного эмоционального состояния, в амбивалентности мотивов и отношений личности, дисгармоничности смысловых структур мировосприятия, в формировании противоречивой системы мотивов и ценностей. Данные проявления могут выступать индикаторами нарушений личностного развития и устойчивых форм девиантного поведения в подростковом возрасте.

В целом, системный анализ социокультурных и внутриличностных факторов, оказывающих влияние на формирование смысловых оснований образа мира в подростковом возрасте, выявление специфики базовых личностно-смысловых установок в структуре «Я-концепции», обуславливающих девиации поведения, позволит разработать адекватные способы профилактики и коррекции нарушений адаптации и социализации современных российских подростков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зубов А., Изумен Иоанн (Экономцев), Б. Любимов, О. Николаева, И. Роднянская, О. Седакова, М. Синельников, Н. Струве, архимандрит Тихон, С. Хоружий.* Христианство и культура // *Знания.* 1999. № 10. С. 174.
2. *Хоружий С. С.* К антропологической модели третьего тысячелетия // *Философия науки.* Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. — М.: ИФ РАН, 2002. С. 131.
3. *Фельдштейн Д. И.* Приоритетные направления психолого-педагогических исследований в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития. — М.: МПСИ, МОДЭК, 2010. — 16 с.
4. *Прихожан А. М., Толстых Н. Н.* Подросток в учебнике и в жизни: кризис тринадцати лет // *На пороге взросления: Сб. науч. статей.* — М.: МГППУ, 2011. С. 14–22.
5. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Молодежь России: социологический портрет. — М.: Институт социологии РАН, 2010. — 592 с.
6. *Реальная Россия: Социальная стратификация современного российского общества.* — М.: Журнал Эксперт, 2006. — 680 с.
7. *Образ России во временной перспективе: Монография (Текст) / Под ред. С. А. Гончарова.* — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012.
8. *Алехин А. Н., Вертячих Н. Н.* Социальный компонент патогенеза нарушений адаптации // *Психическое здоровье.* 2010. № 6. С. 46–48.
9. *Сапогова Е. Е.* Психология развития человека. — М.: Аспект пресс, 2001. — 460 с.
10. *Змановская Е. В.* Теоретико-методологическое обоснование общей теории девиантности и девиантного поведения // *Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы.* — 2008. Т. 9. № 1. С. 133–138.
11. *Алехин А. Н.* Саморазрушающее поведение подростков как феномен и научная проблема // *Universum: Вестник Герценовского университета.* — 2012. № 2. С. 191–198.
12. *Алехин А. Н., Вертячих Н. Н.* Социальный компонент патогенеза нарушений адаптации // *Психическое здоровье.* 2010. № 6. С. 46–48.
13. *Гилинский Я. И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004 (Акад. тип. Наука РАН). — 518 с.
14. *Змановская Е. В.* Теоретико-методологическое обоснование общей теории девиантности и девиантного поведения / *Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы.* — 2008. Т. 9. № 1. С. 133–138.
15. *Личко А. Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. — Л.: Медицина, 2000. — 208 с.
16. *Налчаджян А. А.* Психологическая адаптация: формы, механизмы и стратегии. — Ереван, 1988.
17. *Шереги Ф. Э., Арефьев А. Л., Вострокнутов Н. В., Зайцев С. Б., Никифоров Б. А.* Девиация подростков и молодежи: алкоголизация, наркотизация, проституция. — М., 2001.
18. *Королева Н. Н.* Смысловые образования в картине мира личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. — СПб., 1998. — 16 с.
19. *Мясищев В. Н.* Психология отношений. — М., 1995.
20. *Богдановская И. М.* Мифологические компоненты личностных смыслов любви в юношеском возрасте // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.* 2012. № 148. С. 23–33.
21. *Королева Н. Н.* Семиосфера личности. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. — 159 с.